Немецко-русский и Русско-немецкий словарь христианской лексики / Автор-составитель Портянников В.А. Нижний Новгород, 2001. 150 с.

Немецко-русский словарь религиозной лексики. Составители: Кибардина С.М. , Смирнова Т.И. (в рукописи).

Lurker, Manfred. Lexikon der Götter und Dämonen. Stuttgart, 1984.

С.Н. Смольников
(Вологда)

ПАТРОНИМИЙНЫЕ ПРОЗВАНИЯ В СЕВЕРНОРУССКОЙ АНТРОПОНИМИИ XVII ВЕКА

История формирования фамилий на Русском Севере, особенно в крестьянской среде, требует самого пристального внимания ономастов, поскольку при детальном рассмотрении вызывает множество вопросов: о времени их появления, об источниках и путях их формирования, о типологических особенностях и иной специфике в ряду неличных антропонимов. Возрастание роли фамилий в официальном именовании человека XVI-XVII вв. вызвано синкретизмом их функций: фамилия одновременно служила общим неличным именем представителей одной семьи, указывала на включение человека в ее состав, идентифицировала лицо через отношение к семье, конкретизировала, уточняла личное именование в речи.

Развитие функции индивидуализации («эйдонимическая функция» как способность называть единичный, единственный факт действительности) [Белецкий 1972: 8] в деловой речи у старорусских фамилий на Русском Севере, вероятно, было обусловлено требованиями официального делопроизводства середины XVII в. именовать лиц «по именам с отцы и с прозвищи». Наряду с некалендарными именами (*Баженко, Томилко*) и собственно прозвищами (*Брех, Дуда, Сова*) в качестве «прозвищ» в документах государственной переписи фиксируются фамилии: «в. вдова Оленка *ѳ*едотовская жена *прозвище Папина* с сномъ с Лучкою Не*ѳ*едовымъ сномъ *прозвище Папин*, а у Лучки Якушко да с племянникомъ с *ѳ*адѣиком Осиповымъ сномъ *прозвище Папин*, в. Якушко Ларивонов снъ *прозвище Папин* с сном с Корнилкомъ да з братом с роднымъ *ѳ*едкою, а у *ѳ*едки дети Ларка да Оска да Микитка» [Кн. пер. Белоз. 1646: л. 209 об.]; «Юрка Дмитреев снъ *прозвища Матюшин* с племянникомъ съ Юркою Михаиловымъ сыномъ *прозвища Матюшин*» [Там же, л. 217 об.].

Понятие «фамилия» приходит в русскую культуру в XVIII в., и в это же время происходит определение круга антропонимов, соответствующих данной категории. Однако термин «фамилия» ретроспективно может использоваться для обозначения функционально близких антропонимических единиц на более ранних этапах развития антропосистемы. Тем более

что основной состав известных сегодня севернорусских фамилий складывается гораздо раньше и относительно последовательно фиксируется деловыми актами первой половины XVII в.

Отмечая неоднородность антропонимов, идентифицировавших человека через его принадлежность к семейному коллективу, роду, исследователи антропонимии проводят различие между *фамилиями* (официально закрепленными наследуемыми именами собственными) и *фамильными прозваниями*, которые «занимают промежуточное положение между прозвищами, индивидуальными и семейными, и современными фамилиями" [Зинин 1980: 189]. Между тем представляется необходимым установить различия между типами фамилий и прозваний внутри этих категорий. Сопоставление именований одного и того же лица в разных документах показывает, что в качестве указания на семейную принадлежность лица могли использоваться разные средства, как, например, в переписных и писцовых книгах Устьянских волостей: Куземка Евсегнеев *Шибаев*, Елеуфереико Игнатьев *Шибаев*, Илеика Евсегнеев *Шибаев* [Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 27об.] – Куземка, прозвище Неустройко, Евсигнеев сын *Лосев*, Олферко да Кирилко Игнатьевы дети *Лосева*, Илюшка Евсигнеев сын *Лосев* [Кн. писц. Устьян 1645: лл. 130–130 об.]. Прозвание *Лосев* соответствует названию деревни (*Деревня Онтуфевская, Лосево то ж*), в которой проживали указанные лица. Подобные факты расхождений в семейных номинациях немногочисленны в деловых актах, составители которых следили за ономастической преемственностью именований, но и не единичны.

О разном антропонимическом статусе таких единиц свидетельствуют и редкие случаи их совместного использования в структуре именования: Например: Томилко *Ишенин* да племянник иво Онисимко *Ишенин Гурылевы* [Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 599об.]. Усложнение именования за счет удвоения фамильного имени говорит о том, что функции их различны. Особенно отчетливо это видно в тех случаях, когда вторая фамилия представлена в форме на *-ых/-их*. Ср.: нанят в даточные Ивашко Тимофѣев *Вертковых Пачаев* [Росп. 1654: л. 31], се азъ Лука да язъ Прокофей Михайловы дѣти *Куликовы*, *а Маныловскихъ то жъ* [АХУ I, 401], «Деревни Елсуфьива починка Филка Селиванов *Шашковых* ... брат иво родной Гришка Селиванов *Ковшевников*» [Росп. 1660, л. 10], и др.

Существование двойных фамилий свидетельствует о сложном социальном устройстве крестьянской общины на Русском Севере, представлявшей собой как территориальную соседскую общину, в контексте которой фамилия выполняла дифференцирующую функцию, так и распавшийся большесемейный коллектив со сложной иерархией родственных отношений, в контексте которых фамилия дифференцировала новые малые семьи. Антропонимы, указывавшие на принадлежность к семье, мог-

ли отражать разные отношения по линии кровного родства, трактуемые как узко (в рамках малой семьи), так и широко (через принадлежность к роду в целом). Вероятно, можно вести речь о разных типах крестьянских фамилий, существовавших в рассматриваемый период. Термин «патронимийное прозвание» в данной статье подразумевает особый тип старорусских фамилий, предполагавший особую форму их записи.

Появление таких фамилий на Русском Севере можно связать с отражением в социальном и бытовом укладе крестьянского и отчасти городского населения характерных признаков такой формы социальной организации, как патронимия. Данный термин (*patronymia* – наименование по отцу; от греч. *pater* – отец и *onyma* – имя), введенный в научный оборот М.О.Косвеном, обозначает группу родственных между собой больших или малых семей, имеющих определенное хозяйственное, общественное и идеологическое единство и общее патронимическое, т.е. образованное от собственного имени основателя патронимии, наименование [Косвен 1963: 97]. Патронимия характерна для общинно-родовых и племенных форм, но в некоторых пережиточных явлениях может сохраняться и на более поздних этапах социального развития. Патронимия имеет как социальные, так и ономастические признаки. Вероятно, сохранение архаичного патронимийного принципа именования лица следует рассматривать как отголосок древних общинных форм семьи, традиционно сохраняющийся в русской ономастике. В связи с этим возникает вопрос о более раннем времени формирования родовой и семейной антропонимии у севернорусского крестьянства.

Видимо, «двойные посессивные образования» типа русской фамилии *Фоминых* [Головачева 2000: 18] следует рассматривать именно в таком ключе. В отличие от патронимических фамилий на *-ов/-ев/-ин*, согласуемых с личным именем в ед. ч., фамилии на *-ых/-их* реализовали значение множественности за счет плюрализации формы, значение посессивности как неотторжимого отношения к родоначальнику и его имени, выражаемое формантом, значение посессивности / партитивности, выражаемое формой генитива: «Се азъ Аврамъ да язъ Иванъ *Тимофеевы дѣти*, да язъ Михайло Парфентьевъ сынъ, всѣ *Старостиныхъ*, Митрополья стану крестьяне» [АХУ I, 418]; «Деревни Исакова... взят салдат Матюшка Ерофѣевъ, тое же деревни з другого двора взят салдат Тимошка Павлов, тое же Д. с третьего двора взят солдат Алешка Патракѣевъ всѣ *Шарыповых*» и др. [Кн. доз. Уст. у. 1671: л. 59 об.]. Фамилия на *-ых* обычно распространяет сочетание личного имени с патронимом (или только личного имени) и не входит в прозвание по отцу.

Патронимийный характер имеют и генитивные формы некоторых семейных прозвищ, ср.: «Дер. Ионинская Меншая подле *Мироновых* на Якокурье: в. Васка *Чистых Кулебак*» [Сотн. Двин. у. 1587–1588: 238]; «в.

Бориско *θ*едоров снъ *Олховых Ложекъ*» [Кн. пер. Двин. 1646: л. 20]. Сходны с подобными образованиями фамилии *Белых, Босых, Легких* и др.

Признаком патронимии выступала и общая территория проживания рода, поэтому крестьянские фамилии нередко связаны с названиями местности или поселения. В этом случае указание места жительства и патронимийные прозвания функционально сближаются. В устюжской антропонимии и топонимии эту особенность, связанную с ономастикой большесемейных коллективов, отметила Ю.И.Чайкина: названия деревень, образованные от фамилии их жителей, записываются в разном морфологическом оформлении: *д. Печенкино – Печенкиных – Печенковщина* [Чайкина 1995: 182].

В крестьянской антропонимии XVII в. прослеживаются регулярные связи между названиями деревень и прозваниями их жителей, в морфологическом облике ойконимов и фамилий формализуемые посредством форманта -ск- с посессивным значением. Причем фамилии на *-овский/-инский* коммутируют с фамилиями на *-овых/-иных*: «Д.*Климовские*... Федка Иванов сынъ да дѣти его Петрушка да Пашка *Климовых* [Кн. крестопр. Устьян. 1682: л.36], Парфенко Пантелеймонов сын *Климовской*, Тараска Васильивъ сын *Климовской* [Там же, л.80об.].

Активность прозваний на *-ых/-их* отмечена, кроме Устюжского уезда, в Усольском, Двинском, в Устьянских волостях. На материале современных фамилий В.А.Никонов отмечал самую высокую частотность фамилий на *-ых/-их* и на *-ский* именно в этом регионе европейской части России [Никонов 1988: 70, 83].

Генитивное употребление фамилий на *-ский*, при котором происходит избыточное утроение посессивного значения, объясняется только аналогией. Это свидетельствует о разрушении архаичного принципа номинации и формировании единого формального облика фамилий и единых способов их фиксации в письменном тексте: «з Быкокурского стану Никитка Леонтьевъ *Ребцовских*... Марчко Савинъ *Ребцовскихъ*... Васка Иванов *Сакулин Ребцовских же* [Росп. 1660, л. 10об.].

В XVIII веке, когда фамилия становится одним из главных средств идентификации лица в официально-деловой речи, формы записи фамилий продолжают конкурировать в именованиях жителей крестьянских волостей: Пушемской волости Михайло *Чебыкиных*, Григорей *Чебыкиных* же [Кн. там. УВ 1748, л. 48] – Устюжского уезду Южской трети крестьяне Пушемской волости Алексей *Чебыкин*, Василей *Чебыкин* же [Кн. там. УВ 1748, л. 57 об.].

Крестьянские фамилии в таможенной книге 1748 г. регулярно записываются в форме на *-ых/-их*: Орловской волости Антон *Шилыковских*, Подосиновской волости Сидор *Кочкиных*, Варженской волости Сидор *Малининских* [Там же, л. 18 об.], Шолской волости Василей *Стародвор-*

ских, Пушемской волости Василей *Калиногорских* [Там же, л. 331 об.], Утмановской волости Петр *Поникаровских* [Там же, л. 336].

Дальнейшая унификация севернорусских фамилий, подведение их к общему формальному знаменателю способствовали не только стиранию граней между семейными именами разных типов, но и к утрате фамилией своей внутренней формы как следствию разрушения патриархального сознания и отрыву официального именования от системы действительных социальных и семейных отношений. Система фамилий формируется уже как совокупность условных, произвольных знаков.

Вероятно, этот процесс был весьма длительным, поскольку формализация фамилий возможна только при забвении исходной архаичной семейной истории и трансмиссии исторической памяти, фокусирующей только поздние, обозримые во времени этапы истории рода.

Изменение когнитивной картины мира приводит и к переосмыслению традиционных именований семьи в новом ключе. Нередко приходится сталкиваться с тем, что современные жители восточных районов Вологодской области и примыкающей к ним с севера части Архангельской области, где общий процент фамилий на *-ский* достаточно высок, связывают их происхождение с польскими корнями, эту особенность восприятия фамилий их носителями отмечают и другие исследователи [Кузнецов 2007: 11, 32].

С переосмыслением старых фамилий связано появление нового генеалогического фольклора. Так, например, представители крестьянского рода Глинских (с. Красноборск Архангельской области, фиксация отмечена в 1703 г. у крестьян д. Гиблица Юрьенаволоцкой волости) на основании фамилии возводят свой род к ссыльному польскому князю из польской ветви русского княжеского рода Глинских (Елена Глинская – мать царя Ивана Грозного) [Шумилов 2009: 521]. Фамилия *Глинские* скорее всего связана с местными реалиями (ср., например, д. Глинка на р. Удиме в Устюжском уезде и др.), в 1623 г. носители данной фамилии проживали в д. Пермино Юрьенаволоцкой волости Устюжского уезда: Якушко Павлов Глинской, Максимко Васильивъ Глинской [Кн. писц. Уст.у. 1623: л. 472 об.–473], здесь же существовала и деревня «Осиновая, а *Глинская* то ж над Бабаивымъ озеромъ» [Там же]. Совпадение основ в названии деревни и в фамилии свидетельствует о существовании большесемейного коллектива, обладающего территориальной общностью.

Осмысление исконно местных великоустюгских фамилий как «польских» способствует изменению в их произношении и письменной фиксации, появлению вариантных «облагороженных» фамилий: *Тельтевско'й* (д. Тельтево) – *Тельте'вский*, *Верхо'винский* (д. Верховино Стреленской волости) – *Верхови'нский*, *Поника'ровский* (д. Поникарово) – *Поникаро'вский*, и др.

Таким образом, история крестьянских фамилий показывает взаимодействие архаичных и поздних принципов номинации, различных процессов, связанных с осмыслением старорусских антропонимов, к которым применим термин «фамилия», не однородных по составу и функциям в именовании лица. В истории фамилий на Русском Севере остается еще много неоднозначно трактуемого, что требует продолжения научных изысканий в этом направлении.

Литература

Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972.

Головачева А.В. Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М., 2000.

Зинин С.И. Принципы построения "Словаря русских фамильных прозваний XVII века"// Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С.188-194.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Кузнецов А.В. Тотемский ономастикон: Фамилии тотьмичей. Названия деревень. «Советские» ойконимы. Русские гидронимы. Вологда, 2007.

Никонов В.А. География фамилий. М., 1988.

Чайкина Ю. И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII–XVIII вв.) // Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005. С. 178-186.

Шумилов Н.А. Архангельский родословец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли): генеалогический справочник. Архангельск, 2009.

Источники

АХУ I – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч.1: РИБ, Т.12. СПб., 1890.

Кн. доз. Уст. у. 1671 – "Устюга Великого посадского человека Гробова съ товарищи роспись, кто имянно взяты в солдаты и изъ которыхъ деревень и въ которыхъ годахъ и какия деревни нынЪ въ пусте...1671 г."// РГАДА, ф.137.Устюг Великий, №191.

Кн. крестопр. Устьян. 1682 – Крестоприводная книга Устьянских волостей 1682 г. // РГАДА, ф.137. Устьянские волости, №3.

Кн. пер. Белоз. 1646 – Список с Белозерских переписных книг переписи Селуяна Павлова и подьячего Григория Белого 1646 г. // РГАДА, ф. 137, оп. 1, Галич, № 12/12. Л. 209-234.

Кн. пер. Двин. 1646 – Книги переписные Архангельского города и Холмогорских посадов и Двинского уезда переписи Ивана Ивановича Философова и подьячего Кузьмы Патрекеева 1646-1647 гг. // РГАДА, ф. 137, он. 1., Архангельск, № 1.

Кн. пер. Устьян. 1634-1636 – «Подлинная переписная книга дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пе-

жемской, Чушевицкой и Никольской» переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635-36 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, №15038. Л. 1–63.

Кн. писц. Уст. у. 1623 – Писцовая книга Устюжского уезда 1623-1626 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 506, 507.

Кн. писц. Устьян 1645 – Писцовая и межевая книга земель Устьянских волостей письма и межевания писцов стольника Ивана Иевлевича Загряжского и подьячего Семена Тимофеева 1645/46 гг. // РГАДА, ф. 1209, кн. 510, лл. 1-584.

Кн. там. УВ 1748 – Записная пошлинная книга Великоустюжской таможни 1748 г. // Великоустюгский центральный архив, ф.27, оп.1., кн.27, лл. 1-395.

Росп. 1654 – Именные росписи даточных солдат 1654-1669 гг. // РГАДА, ф.137.Устюг Великий, №109.

Росп. 1660 – «Выборная» книга солдат из крестьян Устюжской съезжей избы Антона Федорова с товарищами 1660 г. // РГАДА, ф. 137. Устюг Великий. №№ 135, 136.

Сотн. Двин. у. 1587-1588 – Сотная грамота из Двинских писцовых книг князя Василия Андреевича Звенигородского и подьячих Рахманина Воронова и Степана Федорова на владения Николаевского Корельского монастыря в Двинском уезде 1587-1588 гг. // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

О.В. Третьякова
(Вологда)

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И АКТИВИЗАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на примере новейших заимствований в словаре кинематографа)

Процесс заимствования из английского языка, активизировавшийся в конце прошлого столетия, становится еще более интенсивным в начале XXI века: во-первых, расширяется состав тематических групп, представленных открытыми рядами языковых единиц, которые пополняются за счет вливания слов, используемых для обозначения новых реалий; во-вторых, продолжается активная ассимиляция иноязычной лексики, проявляющаяся в том, что заимствованные ранее англицизмы в процессе функционирования в новых языковых условиях включаются в систему русских грамматических категорий, подвергаются семантическим преобразованиям, расширяют парадигматические связи в системе принимающего языка, приобретают способность служить производной базой для создания новых слов и сочетаться с русскими лексемами; в-третьих, заимствованные неологизмы активно проникают в различные подсистемы языка, в частности в сферу лексического субстандарта (жаргона), где они подвергаются дальнейшему переосмыслению.